

Не охлыбъ единствъ
бдетъ живъ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать тому
Богъ не отецъ.

СВЯТЫЙ СЫМОНЪ
ВОЛОГОДСКЪ ЧУДОТЪ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

изданіе

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВ. СТЕФАНЪ
СПАСА

СВ. СТЕФАНЪ
СПАСА

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 24
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Святая четыредесятница. С. Н. К.—Сила Божія и немощь че-
ловѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. Сергѣя Ни-
луса. — Изъ школьной жизни. (Сборъ въ пользу голодающихъ дѣтей).
Свящ. М. К.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

СВЯТАЯ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦА.

Кто изъ добрыхъ хрістіанъ безъ особеннаго благоговѣнія про-
износить эти два слова? Кто изъ нихъ не умилится душой
при наступленіи святыхъ дней Великаго поста?

Многое вѣщаеетъ святая четыредесятница уму и сердцу хрі-
стіанина. Она напоминаетъ намъ первобытное блаженство на-
шихъ прародителей и райскую заповѣдь о невкушеніи отъ пло-
довъ запрещеннаго древа. Она напоминаетъ о паденіи перво-
зданной четы человѣческой, изгнаніи изъ рая и первородномъ
грѣхѣ. Она напоминаетъ намъ царство небесное, когда опять
будетъ возвращенъ рай человѣку, если только онъ будетъ того
достоинъ. Это—тамъ, за гробомъ, на небѣ, у Бога.

Святая четыредесятница установлена Церковію въ воспоми-
наніе сорокодневнаго поста Хрістова въ пустынь Іудейской.
Если безгрѣшный Богочеловѣкъ, пришедшій спасти людей отъ
грѣха, проклятія и смерти, продолжительнымъ постомъ начиналъ
Свое искупительное служеніе роду человѣческому: то чѣмъ-же
грѣшному человѣку начинать дѣло своего спасенія, какъ не
этимъ вѣрнымъ и испытаннымъ средствомъ?

Св. Церковь, какъ мудрый воспитатель, постепенно руково-
дитъ послушныхъ чадъ своихъ въ подвигъ поста и покаянія. Въ
подготовительныя недѣли къ святой четыредесятницѣ она—то осла-
бляетъ постъ (недѣля мытаря и фарисея), то опять возстанов-
ляетъ его въ среду и пятокъ (недѣля блуднаго сына), то, нако-
нецъ, возводитъ насъ на повышенную степень воздержанія, от-
лагая мясную пищу и разрѣшая только сырную. Вмѣстѣ съ тѣмъ
въ эти вступительныя недѣли къ посту она располагаетъ и са-
мый духъ хрістіанина къ покаянію и молитвѣ, приводя ему на
память Евангельскія повѣствованія о мытарѣ и фарисеѣ, о блуд-
номъ сынѣ и о Страшномъ Судѣ. Примѣромъ мытаря и фарисея
Церковь поучаетъ хрістіанина смиренію, сознанию своей грѣ-
ховности. Примѣромъ блуднаго сына она ободряетъ грѣшника,
говоря ему такъ: хрістіанинъ! много грѣховъ у тебя на душѣ,
но милости у Бога еще больше. Если ты подражалъ блудному
сыну въ своемъ грѣхонаденіи, то стумъй подражать ему и въ
покаяніи. Исправь свою жизнь, принеси плоды покаянія, и тогда
милосердый Господь проститъ всѣ грѣхи твои, какъ-бы велики
они ни были. Не отчаявайся же въ своемъ спасеніи и поспѣши
на путь покаянія. Въ евангельскомъ изображеніи будущаго
Страшнаго Суда Хрістова Церковь напоминаетъ грѣшнику, что
милосердый Господь вмѣстѣ съ тѣмъ и правосуденъ. Нельзя, по-
этому, въ надеждѣ на благость и всепрощеніе Божіе, безъ конца
предаваться грѣхамъ и порокамъ: настанетъ время, и Богъ при-

ведеть грѣшника на судъ. Хрістіанинъ! Если ты мало чувствуешь въ душѣ своей добра, если сердце твое подавлено множествомъ содѣянныхъ тобою золь, то Спаситель твой въ Своемъ изображеніи Страшнаго Суда указываетъ тебѣ легкое и доступное средство загладить грѣхи твои. Средство это—милосердіе къ бѣднымъ. Бѣдныхъ именуеть Онъ младшими братьями Своими. Господь Самъ обнищаль за насъ, стремящихся обогатиться отъ мамоны неправедной, чтобы насъ обогатить вѣчнымъ, небеснымъ сокровищемъ. Онъ не имѣлъ никакого имѣнія и питался чужимъ хлѣбомъ. У Него не было на землѣ даже пристанища, гдѣ-бы главу приклонить. Вотъ почему и бѣдныхъ беретъ Онъ подъ Свое покровительство и дорого цѣнитъ каждое благодѣяніе, имъ оказанное: *понеже сотвористе единому братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе*, говоритъ Онъ.

Умилительную картину представляла въ прежнія времена православная Русь въ послѣднее воскресеніе предъ великимъ постомъ. Это—прощенное или прощальное воскресеніе. Евангеліе на литургіи въ этотъ день повѣствуетъ о прощеніи грѣховъ ближнимъ: *„аще бо отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще-ли не отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“* (Мѣ. 6, 14—15). Повинуясь этому призванію, всѣ Русскіе люди—отъ мала до велика—считали своею обязанностию сами испросить прощеніе своихъ прегрѣшеній на великій постъ и простить согрѣшавшихъ предъ ними. Святой обычай начинался обыкновенно въ храмѣ Божіемъ. Торжественно служилась вечерня. По окончаніи ея пастырь испрашивалъ прощенія у своей паствы и паства у пастыря. Земно кланялись они другъ другу. Придя домой, хрістіане также кланялись одинъ другому въ ноги—дѣти родителямъ, младшіе старшимъ. Умилительна была эта картина. Теперь сохранился отъ нея только обрядъ церковный, да и то не вездѣ. Правда, сохранился и святой обычай въ благочестивыхъ хрістіанскихъ семьяхъ, но... какъ счастливое исключеніе. Теперь считается чѣмъ-то постыднымъ, унижительнымъ, колѣнопреклоненіе и земной поклонъ. Гордые сыны вѣка видятъ въ этомъ униженіе чловѣческой личности. Можетъ быть, такъ это и будетъ съ ихъ чловѣческой точки зрѣнія. Но что можетъ быть въ немъ предосудительнаго, если этимъ дѣйствіемъ хрістіанинъ выражаетъ искреннее чувство своего смиренія? Святая Церковь ввела его въ Богослужебный чинъ. Не только мы падаемъ ницъ въ извѣстные моменты службъ церковныхъ, молясь предъ святыми иконами, но падаемъ ницъ и предъ Епископомъ, въ знакъ смиреннаго послушанія ему и св. Церкви, поставившей его на высшую священную степень. Тутъ дѣло не въ томъ, *чѣмъ*, какимъ дѣйствіемъ выражается смире-

ніе, а *что* выражается этимъ дѣйствіемъ. Конечно, если подъ нимъ скрывается челоуѣкоугодничество, подобострастіе и тому подобныя недобрыя мысли и чувства, то это будетъ преступнымъ и унизительнымъ. Если-же имъ выражается глубокое искреннее чувство хрістіанина, то что можетъ быть тутъ преступнаго унизительнаго, кромѣ назиданія и умиленія? Умилительно бываетъ видѣть, когда послушный сынъ, отправляясь въ дальнюю сторону, напримѣръ, въ военную службу, для науки или съ другою доброю цѣлію, въ ноги поклонится отцу, прощаясь съ нимъ и прося его родительскаго благословенія. Умилительно видѣть, когда навлекшій на себя родительскій гнѣвъ преступнымъ поведеніемъ, согрѣшившій сынъ, падши ницъ къ ногамъ отца, приноситъ ему покаяніе. Умилительно также видѣть, когда на великій постъ дѣти колѣнопреклонно просятъ у родителей прощенія въ грѣхахъ своихъ.

Подготовивши насъ къ св. четырехдесятницѣ, святая Церковь вводитъ насъ въ совершенный подвигъ поста и покаянія. Насколько великъ этотъ подвигъ для совершенныхъ хрістіанъ, насколько строгъ долженъ быть постъ,—это со всею ясностію раскрываетъ намъ уставъ церковный. Въ первый и второй день св. четырехдесятницы и въ великій пятокъ по уставу совершенное *невкушеніе* пици. Въ остальные дни великаго поста, кромѣ субботъ и воскресеній, должно быть *сухояденіе*, т. е. хлѣбъ и вода. Въ субботы и воскресенія разрѣшается горячая пища, но безъ вина и елея. Разрѣшеніе на рыбу дается во время поста только въ два великихъ праздника—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и въ Вербное воскресенье.

Призывая насъ къ посту и покаянію, Церковь въ тоже время даетъ разумѣть намъ, что постъ не есть послѣдняя цѣль самъ по себѣ, но есть средство къ достиженію высшей цѣли. Тѣлесное пощеніе должно приводить насъ къ посту духовному, къ добродѣтели и нравственному совершенству. „Истинный постъ, поученію св. Василя Великаго, есть удаленіе отъ зла, воздержаніе языка, подавленіе въ себѣ гнѣва, отлученіе похотей, злословія, лжи, клятвопреступленія“. „Постящеся тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ: дадимъ алчущимъ хлѣбъ, нищія введемъ въ дома, расторгнемъ всякій союзъ неправды“. Такъ воспѣваетъ св. Церковь въ своихъ великопостныхъ пѣснопѣніяхъ. Если-бы постъ ограничивался только тѣлеснымъ пощеніемъ безъ внутреннихъ сердечныхъ расположеній, то это былъ-бы постъ фарисейскій, который осудилъ Господь, какъ и фарисейскую молитву.

Чтобы показать, сколько пользы для души и для тѣла приноситъ истинный постъ, предоставимъ слово людямъ духовной жизни и духовнаго опыта. Вотъ что пишетъ Архіепископъ Иннокентій Херсонскій, бывшій ранѣе того Епископомъ Вологод-

скимъ, въ своемъ извѣстномъ произведеніи: „Первая Седьмица Великаго Поста“.

„Съ чего началось и въ чемъ состояло первое паденіе наше? Въ томъ, что мы въ лицѣ прародителя нашего не соблюли поста... Съ чего и теперь начинается паденіе наше? Съ нарушенія заповѣди о постѣ. Не соблюлъ поста во взорѣ и слухѣ? Потеряна чистота сердца. Не сохранено поста въ мысляхъ и умозрѣніи? Отворена дверь вольномыслию и невѣрію. Нарушенъ постъ въ желаніяхъ? Дѣлаешься рабомъ любостыжанія и гордости. Пренебреженъ постъ языка и устъ? Вышелъ кощунъ и празднословъ. А что, наконецъ, бываетъ, когда постъ и воздержаніе вовсе удаляются отъ трапезы? Въ такомъ случаѣ нерѣдко прилагаются скотомъ несмысленнымъ даже и такіе люди, коимъ, повидимому, суждено стоять выше человѣчества“...

Въ своихъ бесѣдахъ о постѣ св. Василіи Великій такъ изображаетъ добрыя перемѣны въ домашней и общественной жизни хрістіанъ въ святые дни Четыредесятницы.

„Постъ—благообразіе города, благоустройство торжища, миръ домовъ, спасеніе имуществъ... Хочешь-ли видѣть его досточестнымъ? Сравни нынѣшній вечеръ съ завтрашнимъ, и увидишь городъ изъ шума и волненій перешедшій въ глубокую тишину. Вдругъ гнѣбный городъ и гнѣбный народъ приводитъ онъ къ благочинію, утишаетъ крики, изгоняетъ ссору, заставляетъ умолкнуть укоризну. Какой учитель своимъ приходомъ останавливаетъ такъ мгновенно шумъ дѣтей такъ, какъ наступившій постъ утишаетъ волненіе въ городѣ? Какой любитель невоздержанія появляется во время поста? Какое распутное сборище составлялось постомъ? Нѣжные усмѣшки, блудническія пѣсни, неистовыя пляски вдругъ удаляются изъ города, изгнанные постомъ, какъ строгимъ какимъ-то судіею. Если-бы всѣ приняли его, ничто не препятствовало бы тогда быть глубокому миру: народы не возстали-бы другъ на друга; воинства не вступали-бы между собою въ сраженія... Жизнь наша не была-бы такъ многоплачевна и исполнена унынія. Постъ научилъ-бы всѣхъ не только воздержанію отъ яствъ, но и совершенному удаленію отъ сребролюбія, любостыжательности и всякаго порока. Тогда ничто-бы не препятствовало намъ проводить жизнь въ глубокомъ мирѣ и душевномъ безмятежій“.

Изобразивъ этотъ родъ благодѣтельныхъ перемѣнъ въ жизни людской подъ влияніемъ поста, св. Василіи Великій убѣждаетъ хрістіанъ:

„Пріимите постъ бѣдные: онъ раздѣлитъ съ вами обитель и трапезу. Пріимите его богатые: онъ уврачаетъ васъ отъ вреда, причинаемаго пресыщеніемъ. Пріимите его больные: это мать здоровья. Пріимите его здоровые: это охранитель вашей душевной крѣпости“.

Вотъ сколь велики добрые плоды спасительнаго поста.

Не странно-ли и не печально-ли, что духъ времени посягаетъ такъ сильно и на это благодѣтельное врачество нашихъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ? И какія только измышленія не приводятъ мудрецы вѣка сего, враждуя противъ поста и отставая свое плотоугодіе? Мы не говоримъ уже о тѣхъ, которые отрицаютъ вѣру и не признаютъ Церкви. Мы имѣемъ въ виду именующихъ себя хрістіанами и не хотящихъ жить по-хрістіански. „Мы—духовные хрістіане, говорятъ эти мудрецы, мы постимся духомъ, тѣлесный постъ для насъ излишенъ“. Но пусть спросятъ они свою совѣсть, пусть откровенно побесѣдуютъ съ ней, и она безпристрастно скажетъ имъ, что такими сужденіями они хотятъ лишь прикрыть свои тѣлесныя чувственныя страсти, отстоять похоть плоти, въ дѣйствительности-же ни духовнаго, ни тѣлеснаго поста они не содержатъ. Въ самомъ дѣлѣ, который постъ содержать легче—духовный или тѣлесный? Конечно, послѣдній, ибо онъ составляетъ лишь подготовительную ступень къ первому. Если-же они не въ силахъ хранить поста тѣлеснаго, то какъ они могутъ соблюдать болѣе высшій постъ—духовный?

Другіе хотятъ прикрыть свои тѣлесныя слабости такого рода доводами: „мое здоровье слишкомъ слабо и болѣзненно. Оно совсѣмъ разстроится, если я буду поститься“. Такимъ мы отвѣчаемъ: духовнымъ врачамъ въ этомъ случаѣ вы не вѣрите, считая ихъ неопытными во врачеваніи тѣлесныхъ недуговъ. Спросите у врачей тѣлесныхъ, и они авторитетно скажутъ вамъ, что благоразумнымъ постомъ, который на своемъ языкѣ именуютъ они діетой, врачуются самыя опасныя болѣзни, отъ которыхъ особенно страдаетъ современное разслабленное челоувѣчество. Въ подтвержденіе этой мысли о благодѣтельности поста мы можемъ лишь привести безчисленное множество примѣровъ святыхъ подвижниковъ, которые не одну только четырехдесятницу, но и всю жизнь проводили въ постѣ. Не подумайте, что они мало жили и преждевременно умирали. Нѣтъ, они часто переходили тѣ предѣлы временной жизни, какіе указаны святымъ псалмопѣвцемъ Давидомъ, и жили до восьмидесяти, девяноста и даже болѣе ста лѣтъ.

Есть и еще мудрецы, которые, пренебрегая постомъ церковнымъ, хотятъ защитить себя такимъ оправданіемъ: „что — за дѣлость, если вкушать постную пищу въ большомъ количествѣ, по причинѣ ея малопитательности? Не лучше-ли вкушать скоромную пищу, но умѣренно?“ Что это, какъ не прикрытіе опять своей грѣховности? Это—не постъ, а вредное заблужденіе. Постъ нужно соблюдать но-церковному, т. е. вкушать постную пищу и въ умѣренномъ количествѣ. Тутъ важно не только количество, но и самое качество пищи. Питаясь мясной пищей, мы естественно

вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ впитываемъ въ свою плоть и чувственность этихъ животныхъ. Душа наша тѣсно соединена съ тѣломъ. Чувственные страсти тѣла приражаются и нашей душѣ. Часто мы удивляемся силѣ чувственной, чисто животной страсти въ людяхъ, да и въ насъ самихъ. Откуда эта сила страсти? Не въ нарушеніи ли заповѣди о постѣ ея причина? Вотъ почему это суемудріе назвали мы опаснымъ и душевреднымъ. Нравственно выше и чище такихъ мудрецовъ смиренные мытари, которые, впадая въ грѣхъ, не оправдываютъ себя, а ударяя въ перси свои, взываютъ ко Господу: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному“!

Но довольно! Куда же склониться намъ, братіе? На сторону ли противниковъ Церкви, или послушныхъ чадъ ея? Вѣруя въ святую Церковь Христову, послѣдуемъ ея спасительному голосу, подѣ ея спасительнымъ руководствомъ будемъ „подвигомъ добрымъ подвизаться, теченіе поста совершати, чтобы намъ неосужденно достигнути поклониться и святому Воскресенію“

С. Н. Н.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XVI.

Какъ сторожилъ и домовладѣлецъ, отецъ мой былъ хорошо знакомъ почти что со всѣми именитыми гражданами нашего города: секретарь Градской Думы или, по тогдашнему, Магистрата, Яковъ Ивановичъ, былъ моему отцу пріятелемъ, и вотъ изъ этихъ-то добрыхъ отношеній я и замыслилъ извлечь выгоду для выполненія плана моего побѣга. Задуманъ онъ былъ хитро, и я до сихъ поръ удивляюсь той ловкости и смѣлости, съ какою я устроилъ свое бѣгство.

Выбралъ я денекъ, когда отца дома не было, и пошелъ въ Думу, и, хотя это былъ царскій, слѣдовательно, неприсутственный день, я зналъ, что Яковъ Ивановичъ, какъ добрый примѣръ службиста, будетъ на своемъ посту, несмотря на праздникъ. Мало такихъ осталось теперь ретивыхъ чиновниковъ, да какіе и остались, то терпятъ ихъ на службѣ больше пзъ милости.....

Яковъ Ивановичъ, дѣйствительно, былъ въ думѣ и сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, разбирая вновь поступившую почту. Я смѣло подошелъ къ нему и попросилъ его написать и выдать мнѣ паспортъ.

— „Что, али куда собираешься ѣхать?“—поглядывая на меня поверхъ очковъ, спросилъ Яковъ Ивановичъ...

— „Да, вотъ нужно сѣбно ѣхать съ восковыми свѣчами на ярмарку въ село Карашиовку, Аткарскаго уѣзда“.

— „Э, Фединька, не во время ты пришелъ-то сегодня: вѣдь, нынче табельный Царскій день, а присутствія-то въ эти дни не бываетъ.... Впрочемъ, погоди, спрошу у писца, не отпертъ ли сундукъ, гдѣ хранятся бланки“.

Сундукъ, на мое счастье, оказался отпертымъ.

— „Ну, такъ возьми-жъ самъ въ сундукъ одинъ бланкъ, наниси его, занумеруй и приложи печать. А тамъ снеси его къ подпису къ твоему дядѣ—онъ гласный, а — нѣтъ, къ градскому головѣ, Филиппу Александровичу: кто-нибудь изъ нихъ тебѣ и подпишетъ“.

Все это, за исключеніемъ подписи гласнаго, или градскаго головы, я продѣлалъ, занумеровалъ свой паспортъ; секретарь его подписалъ и печать приложилъ. Я поблагодарилъ доверчиваго Якова Ивановича и отправился домой. Дѣло мое, стало быть, остановилось за главной подписью. Что теперь мнѣ дѣлать?—думалъ я: дядѣ мнѣ сказать про паспортъ нельзя — онъ родителю скажетъ, или брату, или матери, спросить, куда и зачѣмъ я ѣду, и тогда весь мой планъ будетъ разрушенъ.... Поймай!—вспомнилъ я: дома, въ столѣ, есть старый папашинъ паспортъ. Пришелъ домой, полѣзъ въ столъ, нашелъ паспортъ, приложилъ его къ оконному стеклу вмѣстѣ съ моимъ бланкомъ и сперва карандашемъ, а затѣмъ чернилами, свелъ подпись городскаго головы да такъ искусно, что самъ городской голова прозакладывалъ бы свою голову, что это имъ подписано, и паспортъ мой, такимъ образомъ, оказался въ полномъ порядкѣ.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись, я изъ своего сундука досталъ двѣ смѣны бѣлья, нѣсколько серебряныхъ рублей и два десятирублевыхъ золотыхъ и въ ту же ночь тайно бѣжалъ изъ города, никому не сказавшись и не простившись ни съ кѣмъ изъ родныхъ. Только мой другъ и братъ духовный, Феодоръ Андреевичъ Какирбашевъ, зналъ о моемъ побѣгѣ и даже провожалъ меня за городъ. Онъ уже былъ и самъ разъ въ такихъ бѣгахъ и нѣкоторое время прожилъ послушникомъ въ Пюшанской Пустыни, пока его силой оттуда не вытребовали родители. На его сочувствіе и скромность я могъ вполне рассчитывать. Съ его кожаной сумочкой, съ которой когда-то и онъ бѣгалъ, убѣжалъ и я.

Куда я шель, я и самъ не знать.... На другой день своего бѣгства я нагналъ по дорогѣ цѣлое семейство паломниковъ, вышедшихъ раньше меня изъ нашего города. Шли они въ Воронежъ на поклоненіе св. мощамъ Святителя Митрофана; съ ними и я дошелъ до Воронежа. А дальше куда?... Тутъ я вспомнить, что нѣкогда у моего родителя въ услуженіи былъ одинъ молодой человѣкъ, родомъ изъ обѣднѣвшихъ дворянъ, по фамиліи Костенковъ. Про него я много слышалъ отъ моей покойной бабушки, которая мнѣ рассказывала, что онъ былъ молодой человѣкъ необыкновенно расторопный и услужливый и, что называется, молодець на всѣ руки; но однимъ онъ моей бабушкѣ не нравился и крѣпко не нравился: сквернословъ онъ былъ ужасный, особенно, когда бранилъ рабочихъ, но, что всего болѣе было бабушкѣ не по сердцу—это то, что отъ него проходу не было женскому полу, и матери горько обижались на него за своихъ дочерей. Сколько разъ бранила его моя бабушка, сколько усовѣщивала, а онъ ей все твердилъ одно:

— „Не бранись, бабушка!—вотъ уйду въ монахи, тогда и за тебя буду Богу молиться“.

— „Э, песь, песь! Ужъ тебѣ ли быть монахомъ!“ — ворчала на него бабушка: „такому-то озорнику, шалаборнику, дѣвушнику?!“

— „Ай, бабушка, бабушка!“—со смѣхомъ отзывался на бабушкино ворчанье „озорникъ“: „не такіе еще, да и то попадали въ рай, а въ монастырь то попасть легче... Тогда, бабушка, я за тебя буду молиться, а теперь такъ ты за меня молись, чтобы Богъ помогъ мнѣ исправиться“.

Только долго не исправлялся „озорникъ“, а бабушка все ворчала и гнѣвалась, хотя, я увѣренъ, втайнѣ за него молилась... И вотъ насталъ день, пришелъ „озорникъ“ къ моей бабушкѣ и, весело улыбаясь, объявить ей:

— „Вотъ что, бабушка! пришелъ я къ тебѣ благодарить за всѣ твои выговоры и благія пожеланія. Благослови меня теперь, вмѣсто матери, идти въ монастырь — часъ мой насталъ, и я желаю порѣшиться съ міромъ. Не забуду я никогда твоей брани и добрыхъ совѣтовъ и буду, пока живъ за тебя молиться, а ты молись за меня, окаяннаго грѣшника!“

Надо ли говорить, какъ такимъ рѣчамъ обрадовалась бабушка. Она благословила „озорника“, обняла его своей старческой рукой, какъ мать родная...

— „А деньги-то у тебя „озорника“ на дорогу есть?“—спросила бабушка.

— „Ни копейки, бабушка, нѣтъ!“

Она пошла его провожать за городъ и, снявъ съ себя крестъ, благословила его еще разъ, надѣла свой крестъ ему на грудь и

дала ему на дорогу пятьдесятъ конфетъ старыми пятаками. Поклонился „озорникъ“ бабушкѣ до земли уже не съ улыбкой, а со слезами, и направилъ свой путь къ Троице-Сергіевой Лаврѣ... Потомъ дошли до бабушки слухи, что Косенковъ поступилъ послушникомъ къ Преподобному Сергію, обратилъ своей даровитостью и ревностнымъ послушаніемъ на себя вниманіе Лаврскаго начальства, лѣтъ черезъ восемь послѣ своего поступления въ обитель былъ посвященъ во іеромонахи и неоднократно сопровождалъ Митрополиту Филарету въ его поѣздкахъ въ Петербургъ ужь служить при Митрополитѣ... Потомъ, какъ я слышалъ, онъ былъ строителемъ Давыдовской пустыни. Имя его въ монашествѣ было Герасимъ.

Вотъ объ этомъ-то Герасимѣ я и вспомнилъ и рѣшилъ изъ Воронежа идти къ нему въ Троице-Сергіеву Лавру, а тамъ, подумалъ я, видно будетъ, какъ Господь устроитъ мое желаніе...

Отправился я изъ Воронежа, конечно, гѣшкомъ на Задонскъ. Тогда еще не были открыты мощи Святителя Тихона. Изъ Задонска, помолясь Богу и отслуживъ панихиду въ пещеркѣ, я пошелъ на Москву и оттуда, уже не помню на какой день, во время вечерни пришелъ въ Троице-Сергіеву Лавру. Войдя въ ограду обители, я подошелъ къ книжной лавочкѣ и спросилъ монаха, какъ мнѣ найти іеромонаха Герасима.

— „Подождите немного здѣсь“, отвѣтилъ мнѣ монахъ: „о. Герасимъ—служащій. Вотъ, отойдетъ вечерня, онъ пойдетъ тутъ, мимо насъ, въ свою келью: тогда вы и подойдите къ нему“.

И точно: не прошло и получаса, сталъ народъ выходить изъ храма, а за народомъ вышелъ и о. Герасимъ, роста великаго, съ прекрасными длинными, волнистыми волосами, съ небольшой бородой и необыкновенно величественной, прекрасной наружностью. На него мнѣ указалъ лавочный монахъ и сказалъ:

— „Вотъ онъ—иди къ нему подъ благословеніе!“

Я подошелъ и, поклонившись до земли, принялъ его благословеніе.

— „Ты откуда, мальчикъ?“—спросилъ меня о. Герасимъ.

— „Изъ города Балашова“—отвѣчалъ ему я: „внукъ извѣстной вамъ бабушки Василисы Семеновны. Она вамъ кланяется и проситъ вашихъ святыхъ молитвъ“.

Бабушка моя еще тогда была жива... Радостной улыбкой освѣтилось лицо о. Герасима, и съ любовью онъ переспросилъ меня:

— „Такъ ты ея внукъ? Сынъ Аѳанасія Родіоновича?... Давно-ль ты здѣсь?.. Идемъ же со мной въ мою келью!“.

Съ какой теплой радостью обнялъ меня и вновь благословилъ о. Герасимъ, когда мы вошли съ нимъ въ его келью. На столѣ уже былъ приготовленъ чай и за чаемъ онъ прямо засы-

паль меня вопросами: о бабушкѣ, о родителяхъ, о всемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ.... Любви и добрая память о прошломъ говорила въ этихъ разспросахъ—я едва успѣвалъ отвѣчать на нихъ о Герасиму...

— „Съ кѣмъ же ты сюда пріѣхалъ?“—спросилъ меня батюшка.

Пришлось мнѣ тутъ рассказать ему все о моемъ тайномъ побѣгѣ изъ родительскаго дома и о моемъ стремленіи поступить въ монастырь.

— „Въ какой-же ты монастырь желалъ бы поступить?“—спросилъ меня о Герасимъ.

— „Да, вотъ“, отвѣтилъ ему я: „хотя бы къ вамъ въ келейники“.

— „И съ радостью я бы тебя оставилъ у себя“, сказали мнѣ онъ: „но, видишь, другъ,—выйдетъ твоему паспорту срокъ, тебѣ необходимо будетъ вернуться домой къ родителямъ, а за годъ, что ты пробудешь у меня въ многлюдной Лаврѣ, ты ничему не будешь въ состояніи не только научиться, но даже, какъ слѣдуетъ, видѣть изъ иноческой жизни. Мой тебѣ совѣтъ: поживи здѣсь недѣлку, другую и отправляйся отсюда въ Оптину Пустынь, въ скитъ къ о. Макарію — поживешь въ Оптиной годъ и увидишь истинныхъ монаховъ-подвижниковъ; а здѣсь тебѣ будетъ въ твои лѣта не на пользу“.

— „А далеко эта Пустынь?“

— „Да верстъ двѣсти съ небольшимъ: отъ Калуги до Козельска и Оптиной верстъ около семидесяти... Вотъ тамъ есть истинные подвижники монашеской жизни и старчество, а здѣсь, Ѳединька, бойкое мѣсто—слишкомъ людно, а въ твои лѣта, безъ опыта монашеской жизни, говорю тебѣ любя и изъ благодарности къ твоей бабушкѣ и родителямъ, здѣсь жить тебѣ будетъ не въ пользу. Въ Оптиной все узнаешь, все поймешь: великій старецъ іеромонахъ Макарій и великіе тамъ подвижники“.

Дня два прожилъ я у о. Герасима въ Троице - Сергіевой Лаврѣ и, нѣжно, съ любовью простившись съ нимъ и получивъ его благословеніе, отправился обратно въ Москву, а изъ Москвы на Калугу и въ Оптину.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ школьной жизни.

(Сборъ въ пользу голодающихъ дѣтей.)

Сельская школа, переполненная учениками. Миновалъ третій урокъ. Ребята поутомились. Суббота. Въ этотъ день батюшка иногда заходитъ въ школу объяснять воскресное евангеліе, попѣть, послушать готовящихся

къ службѣ чтецовъ, словомъ— додѣлать то, что по какой либо причинѣ не удалось исполнить въ школѣ въ другіе дни, назначенные для уроковъ Закона Божія.

Перемѣна окончена. Батюшка заходитъ въ классъ. Въ рукахъ у него Библия. Лица ребятъ оживляются, по классу проносится радостный шопотъ: „Батюшка будетъ читать изъ Библии.“

Ужасно любятъ ребята чтенія изъ этой „книги книгъ“. Что бы вы ни зачитали: о прекрасномъ ли отрокѣ Іосифѣ, о женитьбѣ ли Исаака, о праведномъ ли Іовѣ, о Товитѣ или о другихъ ветхозавѣтныхъ праведникахъ, все ихъ радуетъ, все интересуется, и слушаютъ они очень внимательно и охотно. Съ наслажденіемъ слушаютъ и евангельскія повѣствованія о чудесахъ Христовыхъ, несравненные притчи Спасителя.

— „Да, ребяташки, говоритъ батюшка, почитаемъ сегодня изъ Библии, именно изъ святаго евангелія, хочу прочесть вамъ и объяснить ту притчу Господа Іисуса Христа, которую положено читать въ церкви въ завтрашній воскресный день, а вы послушайте“.

Ребята вытянулись, затихли и приготовились слушать.

А батюшка началъ: „Одинъ законникъ всталъ и, искушая Его (т. е. Іисуса Христа), сказалъ: „Учитель, что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную?“ Законникъ, это ребяташки, человекъ ученый, книжный. Такъ вотъ этотъ ученый человекъ и спросилъ Господа: „что дѣлать, чтобы жизнь вѣчную получить?“ Вопросъ этотъ и для насъ съ вами вопросъ нужный и важный: всѣмъ намъ надо прожить на землѣ, какъ слѣдуетъ, по-Божьи, чтобъ и на небѣ не лишиться царствія Божія. Такъ что же намъ надо для этого дѣлать, какъ поступать?

„Онъ же (Христось) сказалъ ему: „въ законѣ что написано? Какъ читаешь?“ Христось Спаситель сказалъ ему: „Вотъ ты изучаешь законъ, разумѣется Божій законъ—книги священныя; ну, такъ и скажи, что тамъ написано объ этомъ? Какъ святые-то книги говорятъ?“

Законникъ сказалъ въ отвѣтъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ...“ Пусть твое сердце горитъ любовію къ Богу, пусть твой умъ, всѣ твои способности будутъ направлены на то, чтобъ Богу угодить и не огорчить Господа Бога чѣмъ-нибудь недобрымъ, какимъ-нибудь злымъ поступкомъ, нечистымъ помысломъ или сквернымъ словомъ. Вотъ это и есть первое, что нужно исполнять человекъ на землѣ, чтобы жизнь вѣчную наследовать... А еще что?

Послушаемъ, какъ законникъ еще отвѣтилъ отъ Писанія: „возлюби ближняго, какъ самого себя.“ Да, и это непременно нужно для нашего спасенія. Вѣдь любовь къ Богу безъ любви къ ближнему и не можетъ быть. Кто не любитъ ближняго, не жалѣетъ его, тотъ ужъ, навѣрное, и Бога не любитъ. Хотя бы онъ и въ церковь ходилъ, и посты соблюдалъ, но если жалости въ немъ нѣтъ къ брату своему, ближнему своему, вышнее служеніе его напрасно и пользы ему мало принесетъ. И на страшномъ судѣ Своемъ Господь только и будетъ спрашивать: „кормилъ ли ты голоднаго, повѣлъ ли ты жаждущаго, одѣлъ ли ты нагого и т. д.“,

И при этомъ всякую помощь, оказываемую несчастнымъ приметь за служеніе Самому Себѣ. „Сдѣлали вы это, скажетъ Онъ, одному, изъ братьевъ Моихъ, меньшихъ — сдѣлали Мнѣ.“

Такъ вотъ что значить заповѣдь: люби Бога и ближняго.

Господь одобрилъ отвѣтъ законника. „Правильно ты отвѣчала,“ сказалъ Онъ ему: „такъ поступай и будешь жить.“

Тогда законникъ спросилъ: „кто же мой ближній?“ И каждый изъ насъ спросить вмѣстѣ съ законникомъ: „кто же мой ближній?“ Конечно, сосѣдь твой, что сидитъ рядомъ съ тобой, ближній твой. Ну, а вотъ чуждеревенскій человѣкъ—ближній твой? Или напр. киргизъ, который и во Христа то не вѣруеть, или тамъ китаецъ и др.? Что, эти люди—ближніе ли наши?.. или нѣтъ?... Кто же нашъ ближній? кого мы должны считать своимъ ближнимъ? Спросимъ вмѣстѣ съ законникомъ Христа Спасителя.

Вотъ что Спаситель отвѣтилъ законнику: Шелъ нѣкоторый человѣкъ изъ города Іерусалима въ городъ Іерихонъ, и напали на него разбойники, сняли съ него одежду, изранили его и ушли, оставивъ его на дорогѣ еле живаго. Шелъ той дорогой священникъ (ужь на что близкій для него человѣкъ—священникъ, пастырь для овцы своего стада: онъ молитвенникъ за своихъ пасомыхъ передъ Богомъ, онъ и наставникъ въ истинахъ вѣры, онъ и печальникъ въ горѣ своихъ духовныхъ чадъ!). И вотъ онъ увидѣлъ несчастнаго. Но нѣтъ; сердце его при видѣ несчастнаго не шевельнулось, и прошелъ онъ мимо, не оказалъ своей помощи избитому. Также и левитъ—другой служитель Бога, храма и людей, бывъ на томъ мѣстѣ, подошелъ, посмотрѣлъ и тоже пошелъ мимо. Такъ отнеслись къ страдальцу два ближайшихъ ему человѣка, которыхъ впадшій въ разбойники уже навѣрное считалъ своими ближними.

Но вотъ проѣзжаетъ нѣкто Самарянинъ. Знаете вы, ребята, кто такіе Самаряне?..... Это не только іудеямъ люди чужіе, люди иной вѣры, а прямо враги. Такъ іудеи считали Самарянъ за своихъ враговъ и даже прикоснуться къ нимъ считали для себя грѣхомъ, скверной. Конечно, и Самаряне имъ платили тѣмъ же, т. е. недружелюбіемъ и ненавистью.

Какъ же отнесся къ несчастному іудею проѣзжій Самарянинъ? Несчастный ужь не могъ ждать ничего добраго отъ Самарянина, коль ни священникъ, ни левитъ не оказали ему никакой помощи.

Но вотъ что случилось: „Самарянинъ же нѣкто, проѣзжая, нашелъ на него и, увидѣвъ его, *сжалился*...“ О, ребята! Нѣтъ ничего на свѣтѣ выше этого чувства: нѣтъ ничего выше и достойнѣе для человѣка, какъ именно это состраданіе, эта жалость! Дай, Боже, что бы и въ вашихъ маленькихъ сердечкахъ родилось, выросло и окрѣпло это благороднѣйшее человѣческое чувство-жалость! Жалѣйте всякаго несчастнаго, не только человѣка, а и всякое Божіе твореніе: иташку, звѣрка, скотинку, а тѣмъ болѣе человѣка! Жалостливый человѣкъ—это лучшее украшеніе всѣхъ людей. Въ жалости человѣка вся цѣнность его: нѣтъ ея у человѣка, и мало онъ стоитъ, плохъ тотъ человѣкъ.

Самарянинъ былъ человѣкъ жалостливый. Что же онъ? Онъ жалость свою и дѣлами своими подтвердилъ. О, это непременно нужно въ жизни, непременно. Только такая жалость, которая подтверждается дѣлами, такъ много цѣнится и восхваляется. Пожалѣлъ—помоги, успокой свое сердце дѣлами любви къ тому, кого ты пожалѣлъ!

Вотъ такъ именно и поступилъ самарянинъ. Онъ подошелъ къ едва живому іудею, перевязалъ его раны, посадилъ его на осла (а самъ то пѣш-

комъ пошелъ!), привезъ его въ гостинницу и позаботился о немъ. А на другой день, отъѣзжая, онъ вынулъ два сребренника, далъ содержателю гостинницы и сказалъ ему: „позаботься о немъ, и, если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, заплачу тебѣ.“

Какую трогательную любовь, какую заботливость проявляетъ Самарянинъ! Есть чему намъ у него поучиться!

Сказалъ эту притчу о самарянину Господь и спросилъ законника: „кто изъ этихъ трюхъ, думаешь ты, ближній человѣку, попавшемуся къ разбойникамъ?“

Отвѣтъ ясенъ и для всѣхъ насъ. „Оказавшій ему милость,“ сказалъ законникъ. Тогда Иисусъ сказалъ: „*иди и ты поступай также.*“

„*Иди и ты поступай также.*“ Что, ребяташки, эти слова Господа имѣли силу только для законника? Или на вѣчныя времена, и для насъ?...

Дѣти: И для насъ тоже.

— Стало быть, и намъ тоже говорить Господь, что и законнику?

— Да, тоже...

— Вѣрно вы отвѣтили: и намъ съ вами, и всѣмъ людямъ велитъ Господь такъ поступать, какъ Самарянинъ, всякаго человѣка пожалѣть, всякому помочь, кто бы онъ ни былъ: родной ли человѣкъ или посторонній, русскій или киргизъ, китаецъ и другой кто, одной ли съ нами вѣры или разной. Разъ встрѣтилъ ты на дорогѣ жизни несчастнаго, пожалѣй его, помоги ему! И это каждый человѣкъ: вотъ и ты, Федя, и ты, Алеша, и ты, Петя, и ты, дѣвочка, и ты, и ты, и всѣ вы, и каждый изъ васъ иди и поступай такъ же, какъ Самарянинъ! Согласны вы такъ поступать на будущее время?

— Да, да, согласны!!

— И если бы вамъ встрѣтился теперь несчастный—вы помогли бы ему?

— Помогли бы, разумѣется.

— Ну, хорошо. Порадовали вы меня своимъ отвѣтомъ, на добрую, стало быть, почву пали сѣмена слова Вождя. Спасибо вамъ за вашу готовность помогать несчастнымъ. А вѣдь несчастные то и сейчасъ есть. Вотъ я укажу вамъ на нихъ, а вы какъ мимо пройдете?

— Нѣтъ, не пройдемъ—поможемъ сколько умѣемъ...

— Хорошо... Вы, конечно, слыхали отъ своихъ отцевъ, что лѣтъ 15 тому назадъ былъ у насъ голодъ?

— Слыхали, слыхали...

— Вотъ и отлично, что слышали; мнѣ, значить, не придется вамъ долго толковать объ ужасахъ, сопровождающихъ это народное бѣдствіе: скотинка продана за безцѣнокъ, остальная вывалилась (пропала); лошадки размотаны задешево, остальные замерли отъ голода, часть угнана на кормежъ вдаль и тамъ зарыта въ землю; дома заколочены—жители тоже ушли на прокормленіе въ чужія мѣста. Люди, оставшіеся дома, ѣдятъ не хлѣбъ, а что-то, въ чемъ есть лебеда, мякина и др. примѣси. Я видѣлъ этотъ „хлѣбъ“ и безъ ужаса не могу вспомнить о немъ. Да и о всемъ томъ времени съ трепетомъ и замираніемъ сердца воспоминаютъ всѣ, пережившіе его.

И вотъ такое-то бѣдствіе переживается и теперь, и не чужими намъ людьми, а братьями нашими, Русскими людьми, быть можетъ, дѣтьми тѣхъ родителей, которые въ тяжелую годину помогали нашимъ отцамъ

И это не въ одномъ мѣстечкѣ въ Россіи: бѣдствіе коснулось 29 губерній россійскихъ.

Вотъ посмотрите на эти картинки: (показываются № Искры-иллюстраціи „изъ голодающихъ мѣстъ“), вотъ дома и усадьбы крестьянъ—точно скелеты человѣка, кости, непокрытые тѣломъ—солома скормлена скоту, все это не покрыто. Какъ тяжело смотрѣть на это запустѣніе!.. Вотъ семья въ 8 человѣкъ у мѣшка въ 3 пуда хлѣба (весь годовой запасъ!). Какъ она пропитается?! Вотъ голодная мать съ малюткой въ колыбели, тоже голодающимъ, ибо сосцы ея отъ голода изсушены! Вотъ малюточка, болящій отъ недоѣданія въ цингѣ—распухъ!! Вотъ дѣвочка изголодавшаяся, руки ея точно тоненькія плеточки отъ замору и т. д.!

Вотъ, ребята! На нашей дорогѣ дѣти, попавшія въ руки разбойника-голода! Вы точно живыхъ ихъ видите! Что же мы? Пойдемъ мимо и скажемъ: пусть мрутъ, это не наше дѣло? Такъ?

— Нѣтъ, не такъ, загудѣли голоса, надо помочь имъ какъ-нибудь!

— Да, ребята, надо, надо... О, конечно мы одни съ вами не можемъ потушить этого великаго пожарища—голода. Но развѣ мы одни? Развѣ русскіе люди не хрістіане? Развѣ не всѣ мы *должны* пособить людямъ въ такой бѣдѣ?... Хоть одну слезу несчастнаго осушимъ и этимъ сдѣлаемъ хорошее дѣло! Хоть одного голоднаго накормимъ и этимъ можемъ послужить Хрісту.

Такъ послужимъ Хрісту, поможемъ ближнимъ—вотъ именно такимъ голодающимъ дѣтямъ, какихъ я вамъ указалъ?

— Да, да... послужимъ... поможемъ...

— Но какъ?

— Молчаніе...

— Я могу васъ научить...

— Научите, батюшка... Лица ребятъ все оживленнѣе, движенія нетерпѣливѣе. Нѣкоторые начинаютъ вскакивать...

— Успокойтесь и слушайте. Въ семьяхъ вашихъ вы не дармоѣды, а пособники родителей въ ихъ тяжеломъ трудѣ. Отъ плода этихъ трудовъ есть и вамъ, хоть маленькій, паекъ. Вотъ пожертвованная тобою плица, (которой насыпаютъ хлѣбъ въ пудовку мѣру) и будетъ посильная твоя жертва, посильный плодъ твоей жалости къ голоднымъ, твоя помощь имъ. Родители ваши, надѣюсь, вамъ въ этомъ не откажутъ.

Если же желаете еще приложить трудовъ своихъ для облегченія участи голодающихъ дѣтей, сдѣлайте вотъ что: составьте изъ своей среды человѣка по 4—5 артельки. Каждая артель будетъ имѣть лошадь и свое мѣсто для сбора въ селеніи, которое она и обойдетъ призывая хрістіанъ къ пожертвованіямъ на голодающихъ дѣтей“.

— Согласны... Согласны... Будемъ собирать...

— Вотъ и отлично. Теперь займитесь—назначьте кому и съ кѣмъ ходить за сборомъ.

Но такъ какъ желающіе были *всѣ*, то пришлось изъ нихъ избрать нѣкоторыхъ изъ болѣе старшихъ. Коней для услугъ предлагалъ чуть не каждый. А тѣ, которымъ не пришлось быть назначенными въ число сборщиковъ—чуть не плакали.

Съ моей помощью назначили для каждой группы сборщиковъ извѣстную часть селенія и близъ стоящей деревни, составъ самой группы, а

также подводу для этой группы—и сборщики были готовы—такіе сіяющіе, радостные, довольные.

Даль я имъ и наставленіе, какъ вести себя въ это время и что говорить. За всенощнымъ бдѣніемъ и за литургіей, въ особыхъ поученіяхъ я предупредилъ своихъ взрослыхъ прихожанъ, „о маленькихъ подражателяхъ милосерднаго самарянина“.

Послѣ обѣдни сборщики мои отправились и „веселыми ногами“, но съ подобающей святому дѣлу серьезностью совершили свое дѣло.

Мнѣ скоро пришлось благодарить ихъ при приѣмкѣ собраннаго ими хлѣба, который принимался, при участіи церковнаго старосты въ церковный амбаръ. Счастливы были сборщики, но не сравненно болѣе ихъ я...

Черезъ день, въ праздникъ, я собралъ ихъ въ своей квартирѣ (сборщиковъ оказалось 28) и за общимъ чаемъ мы провели время въ самомъ счастливомъ настроеніи.

Подобныя же бесѣды повторены были въ другомъ сельск. училищѣ деревни Полоя моего прихода и въ школѣ грамоты деревни Кабаковой. И въ этихъ обѣихъ школахъ я нашелъ ту же готовность на помощь ближнему, ту же сердечную жалость къ несчастнымъ голодающимъ, какъ и въ первомъ. Учениками и этихъ школъ были организованы группы сборщиковъ и произведенъ сборъ.

Собранный хлѣбъ былъ проданъ и деньги отправлены въ голодающія мѣстности „голодающимъ дѣтямъ“.

За проданный хлѣбъ сбора учениковъ Дубровскаго училища выручено 22 рубля и деньги отправлены: Предсѣдателю Совѣта Братства Святителя Николая, при Николаевской церкви, села Одоевскаго. Ветлужскаго у. Костромской епархіи, священнику Н. Лебедеву.

За хлѣбъ учениковъ Полойскаго училища получено 10 рублей. Деньги отправлены: Слоб. Малый Узень, Новоузенскаго у. Самарской губ. Предсѣдателю комитета организациі помощи голодающимъ, священнику Н. Быстрову.

За собранный и проданный хлѣбъ учениковъ Кабаковской школы получено пять рублей и деньги отосланы въ редакцію журнала „Церковно-Общественная жизнь“ для передачи по усмотрѣнію но непременно въ пользу „голодающихъ дѣтей“¹⁾.

Священникъ М. К.

1) Тоб. Еп. Вѣд. № 24.